

Игорь НАЗАРОВ

ПОЛЕТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПТИЦЫ

Р а с с к а з

Однажды в небольшом сибирском городе Н. случился юбилей у градоначальника. На юбилее, как и положено, градоначальника засыпали подарками. Равно дорогими, но не равно полезными. В качестве одного из таких дорогущих, однако бесполезных в быту подарков юбиляру была преподнесена деревянная птица. Три пуда весом. Каждое крыло по метру. Между крыльями тушка в полметра. Ну и в длину тоже неслабая.

Градоначальник какое-то время думал: куда ему это чудище девать? Выбрасывать — неудобно, да и жалко: вещь дорогая, красивая. Но вешать ее в дом, извините меня... И он сделал щедрый жест — передал птицу в управление соцзащиты с распоряжением: подарить какой-нибудь малообеспеченной семье, которой самой ни в жизнь такую хорошую птицу не купить.

Перед соцзащитой города Н. встала серьезная проблема. Куда деть птицу? Кому ее благотворительно втюхать?

Происходили примерно такие сцены. В кабинет соцзащиты заходит многодетная мать:

— Мне бы материальную помощь выписать.

— Деньгами помочь пока не можем. Вот птицу, если хотите, берите.

— Какую птицу?

— Ну вон, в углу стоит.

— Где?.. О господи! — Хватается за сердце. — Куда она мне? Мне бы денег маленько.

— Денег пока нет. Возьмите птицу.

Но никто птицу не брал. Она занимала почти полкабинета, мешалась, пугала случайных посетителей да еще и стояла на балансе, как материальная ценность. К тому же градоначальник в любой момент мог поинтересоваться: что там с его даром малообеспеченным и социально незащищенным? Кто его получил? Довольны ли получатели? Счастлива ли опеченная семья и на сколько процентов больше любит она теперь своего градоначальника?

Надо было срочно что-то решать. И решили! В ведении соцзащиты находился городской детский дом. Туда и притащили птицу.

В присутствии журналистов привинтили ее на стену в фойе, поставили табличку с надписью: «Дар градоначальника имярек», сказали громким голосом:

— Дети, вот вам птичка в подарок! Ну, дети, что надо сказать?

— Спасибо, — недружно пролепетали дети, глядя ошалелыми глазками на чудище два с половиной метра в размахе крыльев.

С первой же ночи по детским спальням поползли страшилки, рассказывающие о том, что эта птица по ночам срывается со стены и улетает убивать людей. Ночь от ночи страшилки обростали все новыми деталями. Дети стали бояться выходить в фойе. Некоторые боялись даже спать по ночам. А которые засыпали — порой вскакивали с криком из-за привидевшегося кошмара: им снилось, что страшная птица из фойе хочет их схватить и заклевать.

Обеспокоенные работники детдома сняли птицу со стены и оттащили в подвал.

Стало еще хуже. Спрятанная в мрачном подвале, жестокая птица пугала малышей больше, чем открыто висящая на стене. Ведь теперь, свободная от наблюдения, она могла вылетать на свою кровавую охоту не только ночью, но и днем.

Дети были напуганы, педагоги озабочены, а психолог детского дома заявила, что если птицу не удалить как можно быстрее и как можно дальше, то последствия для психики детей она, психолог, предсказать не берется. И посоветовала вынести птицу из подвала, изрубить и сжечь. На глазах у детишек.

Хорошо бы! Только как это сделать? Птица — материальная ценность, на ней инвентарный номер, она, зараза, больших денег стоит. Невозможно имущество, стоящее на балансе, вот так просто взять и уничтожить.

По этому вопросу завязалась оживленная переписка между детдомом и управлением соцзащиты. Детский дом слезно молил забрать птицу. Управление соцзащиты было немного удивлено последствиями своего дара, но ума не могло приложить, куда им птицу деть. О чем честно и написало.

Детский дом предложил передать птицу еще кому-нибудь в дар. Например, какой-нибудь школе. Управление соцзащиты обеими руками было за то, чтобы передать птицу школе. Но вот беда: школы-то находились в ведении не соцзащиты, а управления образования. Значит, предстояло переводить птицу с баланса на баланс. Что без согласия получателя сделать было невозможно. Да и с согласием крайне муторно. Тысячу всяких бумаг заполнить надо.

Однако здесь и согласия не было. Управление образования, осмотрев птицу, категорически отказалось ее принимать.

— Кто эту кикимору сделал, тот пусть себе ее и вешает, — сказали работники образования.

— Но у нас тут дети! — воскликнули работники детдома. — Они ж боятся. Мы ж за них отвечаем! Войдите, пожалуйста, в положение.

— У нас тоже дети. Мы тоже за них отвечаем, — ответили работники образования, сели в машину и уехали.

Тогда директор детского дома в качестве последней меры защиты детей, вверенных ее опеке, вместе с их неокрепшей нервной системой, устроила скандал начальнице управления соцзащиты. Начальница некоторое время стойко отбивалась от своей подчиненной, пока та в конце концов не пригрозила доложить обо всем главе города.

Вот уж чего соцзащите вовсе было не нужно! Если градоначальник узнает, что его с кровью оторванный от сердца дар соцзащита так и не может пристроить, то он обидится и спросит почему. Не скажешь же в ответ: да потому, что ваша, Имярек Имярекович, птица на хрен никому не нужна и вообще представляет опасность для психики как одаряемых, так и работников соцзащиты. В общем, начальница управления клятвенно пообещала директору детского дома, что в течение суток заберет птицу.

Сказать-то легко, а как сделать? Думала-думала начальница, и наконец ее осенило. В городе Н. было еще управление благоустройства. А начальником благоустройства работал старый, со школы еще, друг начальницы соцзащиты. Ему-то она и позвонила.

— Вить, — попросила она, — заberi у меня птицу.

— Какую птицу?

— Ну ту, помнишь, я тебе рассказывала?

— А на фи́га она мне?

— Повесишь куда-нибудь. Красиво будет. Помоги, Вить.

И она рассказала про страдающих детей.

— Выручи, Вить. А бумаги задним числом оформим. Только заberi ее прям сегодня.

Что поделатъ: дети — это святое, а помощь одноклассникам — святое вдвойне. Через пару часов «газель» управления благоустройства увозила в открытом кузове птицу из детского дома. Вслед «газели» смотрели из окон бледные личики детишек. Они хотели убедиться, что чудище из подвала уехало от них навсегда. В эту ночь дети спали спокойно.

А птицу начальник благоустройства распорядился установить над входом в контору. Ее закрепили на стене между вторым и третьим этажами. И она красиво и величаво парила, осеняя входящих могучими крыльями. Три дня.

На четвертый день птица оторвалась и рухнула с пятиметровой высоты на служебную легковую машину начальника благоустройства. Всеми своими тремя пудами.

— Так, — сказал вышедший на шум начальник. — Это вот всё...

Дальше он обрисовал открывшуюся ему картину словами абсолютно адекватными ситуации, но в литературе обычно не употребляемыми. Поэтому пропустим с сожалением выразительную речь начальника и перейдем к тому моменту, когда на место происшествия прибыла вызванная растерянными работниками благоустройства ГИБДД.

— На птице инвентарный номер, — после осмотра места происшествия сказали сотрудники ГИБДД. — Наверное, по нему как-то можно собственника установить?

— Спасибо, — ответил им начальник благоустройства, достал трубку и набрал управление соцзащиты.

— Лена, — спросил он, — а ты на свою птицу, случайно, «автогражданку» не оформляла?

— Нет, а зачем? — не поняла та.

— Тогда нам с тобой звездеч, — сказал начальник благоустройства и поведал школьной подружке, как вверенное ей муниципальное имущество только что уничтожило вверенное ему муниципальное имущество.

Растерявшись, начальница соцзащиты не нашла ничего умнее, как спросить:

— А птица цела?

Начальник благоустройства мысленно попросил Бога даровать ему терпения и, получив от небес просимое, максимально спокойно ответил:

— Нет, птица не пострадала. — Тут у него Божий дар внезапно иссяк, и он проорал в трубку: — Да какого хера с твоей гребаной корягой могло случиться?! Ее хоть с самолета сбрасывай! Тебе на голову!

А стоит знать, что в критических ситуациях женский мозг становится особенно изворотлив. Поэтому, пока начальник благоустройства выкрикивал в телефон риторические вопросы, типа зачем он связался с этой птицей, и с этой соцзащитой, и лично с начальницей соцзащиты, сама начальница уже пришла в себя.

— Витя, орать кончай и меня послушай. Если глава узнает, что мы его птицей расхерачили муниципальную машину, вот тогда нам, точно, звездеч.

— И че делать?!

— Не ори, я сказала. Доложи, что на машину упала сосуля.

— Какая, на хрен, сосуля?!

— Так Питер сосульки называет.

— Какой, в жопу, Питер?!

— Город-герой, блин! На Неве! Ты совсем там, что ли? И хватит орать на меня!

Начальник благоустройства помолчал, подумал, потом спросил:

— Умная, а с ГИБДД как предложишь быть? Там же протокол.

— Поговорю я с ГИБДД. Переделают они протокол. Напишут: сосуля.

Начальница соцзащиты так уверенно это пообещала, потому что начальник ГИБДД города Н. был ее однокурсник и друг по универу. Должен же он навстречу пойти.

Он и пошел. Протокол осмотра места происшествия был переделан. Теперь машина официально пострадала от упавшей сосульки. Птица перекочевала обратно в соцзащиту. И вроде все затихло. Но ненадолго.

Тамошний губернатор направил по городам и районам вверенной ему губернии строгую телеграмму, требующую от местных властей как можно тщательней обеспечить переход своих территорий из зимы в весну. Особое внимание губернатор обратил как раз на сосули. Чтоб смотреть в оба глаза! Чтоб под личную ответственность! Чтоб, не дай бог, не пришибло никого!

Примерно через пару дней ему на стол положили информацию, что все-таки пришибло. В городе Н. Невзирая на все губернаторские телеграммы. И пришибло машину именно того, кто в городе Н. отвечает за непришибание граждан сосулями.

На ближайшем аппаратном совещании с главами городов в режиме видеоконференции губернатор поделился этой вестью, можно сказать, со всем регионом. В прямом эфире. Потом, отложив листок со сводкой в сторону, тихо сказал, что лично для него этот случай служит явным

доказательством существования Бога. И что он, губернатор, жалеет только об одном: почему в момент обрушения сосули в этой машине не сидел сам глава города Н. со своим начальником благоустройства? Однако этот недосмотр Божий можно легко исправить, так как у него, губернатора, имеется для таких вот глав городов кой-чего потяжелее сосулей. И что если через два дня в городе Н. останется на крышах хоть одна сосуля, то глава этого города проклянет не только сам момент своего рождения, но и ту постель, на которой его, главу города, родители делали.

Как только потух экран видеосвязи, глава города Н. потребовал себе кофе и начальника благоустройства. Кофе чтоб был крепкий, а начальник благоустройства — любой, живой или мертвый.

Начальник благоустройства был живой, о чем он пожалел буквально через пару секунд после того, как вошел в кабинет главы. Глава орал два часа. С перерывами, конечно, он же не магнитофон. Рев стоял такой, что отдельные фразы были слышны даже в приемной, несмотря на двойные двери.

— Развел у себя полную контору осьминогов! У всех руки из жопы! На крышу, сука, на крышу! Лично сосульки сбивать! Жить там! Как Карлсон с моторчиком! Упаси бог, упаси бог, если я тебя в эти дни на земле, а не на крыше увижу!

Когда бледный и сосредоточенный начальник благоустройства появился у себя в конторе, ему наперерез прямо в коридоре кинулась главный бухгалтер:

— Виктор Иванович, я хотела насчет той птицы...

— Что насчет птицы?! — выверился Виктор Иванович. — Не говорите мне про эту птицу!

— Как это «не говорите»? — возмутилась главбух. — Она у меня на балансе. Скоро инвентаризационная проверка. А где сама птица-то?

— Как на балансе? — оторопел начальник.

— Так. Вы же сами распорядились. Все, ее нам перевели.

Тут начальник благоустройства уяснил наконец ситуацию. Оказывается, пока творились все эти дела, бюрократические колесики, запущенные им вместе с начальницей соцзащиты, крутились там себе внутри мэрии и крутились, бумажки туда-сюда ходили, визы ставились, распоряжения издавались. И птица юридически перешла во владение управления благоустройства. А фактически где она?

Начальник благоустройства схватился за телефон:

— Ленка...

— Витя, бедненький, — заворковала в трубку уже знающая обо всем начальница соцзащиты. — Ну прости меня, подлую. Кто ж мог знать, что так выйдет?

— Да хрен с ним. Лен, где птица?

— А зачем она тебе? Сжечь, что ли, хочешь со злости?

— Да она же на мне теперь числится.

— Ой!

— А у меня проверка на носу.

— Ой-ой!

— Че «ой-ой», Лена? Давай вези мне птицу обратно.

— Не могу, Вить. Она теперь в городе Ю.

— А че моя птица делает в Ю.?

— Юношеский военно-патриотический лагерь украшает. Вить, смотри, какое дело...

И начальница соцзащиты поведала такую историю.

В тот раз, когда птица вернулась к ней с руин автомобиля управления благоустройства, вместе с птицей вернулась и проблема: куда же ее, заразу, девать, в конце-то концов? Ну не вечно же эту дуру здоровенную в соцзащите держать? И без нее тесно.

Одна из сотрудниц подсказала выход: передать птицу в военно-спортивный детский лагерь соседнего города Ю. Местной муниципальной юношеской военно-патриотической организацией, дескать, руководит ее знакомый. Он возьмет с удовольствием. Ну и ладушки! Птицу отправили в Ю. Так что теперь она там.

Начальник благоустройства схватил в охапку документы на птицу, запрыгнул в «газель» (он теперь, по известной причине, на «газели» передвигался) и помчался в Ю. Благо он в двух шагах от Н.

А в городе Ю. с птицей было так. Начальник всей военно-патриотической молодежи, назовем его... ну пусть Сам Самыч, птицу встретил с радостью. Как только он ее увидел, то сразу понял, что именно такой птицы и недоставало молодежи Ю. для патриотизма.

По его распоряжению птицу тут же установили на ворота военно-патриотического лагеря. А так как Сам Самыча лично начальница соцзащиты города Н. предупредила, что птица имеет свойство падать в неподходящее время и на неподходящие объекты, то Сам Самыч закрепил птицу на совесть. Сварка, анкера, бетон, все дела. Потом птицу украсили ленточками с триколором и, так как на носу было семидесятилетие Победы, щедро добавили к узору ленточек георгиевских.

Разукрашенная птица гордо парила на воротах лагеря, вызывая глубокие военно-патриотические чувства у военно-патриотической молодежи. Но не у всей. Это выяснилось, когда Сам Самыча как-то ближе к концу рабочего дня вызвали к главе города Ю.

Когда Сам Самыч вошел, то увидел главу, грустно смотрящего в ноутбук.

— А, явился, — поднял глава глаза на Сам Самыча. — Ну-ка, иди сюда. Полюбуйся.

Сам Самыч приблизился и взглянул на экран. Он увидел страницу сайта «ВКонтакте». И фотографию, разделенную на две части. В левой части было фото его птицы, в правой — изображение орла с личного штандарта Германа Геринга. Птицы были абсолютно одинаковые. Как две капли воды. Если не обращать внимания на размеры и триколоры слева и свастику справа.

— Сам Самыч, — печально вздохнул глава, — вот почему у тебя вечно что-то подобное происходит? В прошлый раз ты умудрился поздравить ветеранов с годовщиной разгрома советских войск на Курской дуге. Еще и открытки с таким текстом разослал.

— Это помощница напутала.

— наших с немцами перепутала, да? Она у тебя кто? А ты-то, ты у нас, Сам Самыч, кто? Что-то у меня начинает возникать ощущение, что ты скрытый фашист. Ты мне из молодежи гитлерюгенд готовишь, что ли? Ну почему мы всем городом из-за тебя опять посмешище?

Сам Самыч открыл было рот, однако глава жестом заткнул его и поднялся во весь свой гренадерский рост.

— Значит, так. Что с тобой делать, это мы после праздников на коллегии решим. А сейчас, — глава повысил голос, — не есть, не спать, но чтоб к утру эту херовину демонтировать и выкинуть! Все! Свободен, патриот хренов!

Сам Самыч вернулся к себе в военно-патриотическую ставку. Там его уже поджидал начальник благоустройства из Н.

— Накладка вышла, — сказал начальник. — Птицу вам по ошибке отдали. Вернуть надо. Она моя.

— Ты Герман Геринг, что ли? — буркнул Сам Самыч.

— При чем тут Геринг?

— А при том, что птица твоя — точная копия орла со штандарта Геринга.

— Да ну? — удивился начальник благоустройства этому новому свойству птицы. А потом спросил: — А на кой тогда ты ее на ворота повесил да еще и триколором украсил? — И случайно ткнул в больное место: — У тебя тут гитлерюгенд, что ли?

— Забирай свою птицу! — заорал Сам Самыч. — И чтоб к вечеру духу ее здесь не было. А то я на тебя в ФСБ напишу. Сядешь за распространение фашистской символики.

— Вместе сядем, — ответил ему начальник благоустройства и направился за птицей.

Тем временем в городе Н. глава тоже увидел на сайте «ВКонтакте» эту картинку. И вызвал к себе начальницу соцзащиты.

— Смотрите, Елена Антоновна, что в Ю. учудили. На мою птицу похожа, да?

— Похожа, — вздохнула Елена Антоновна.

— Ну, точно, похожа, — продолжал вглядываться глава. — А наша-то где? Я в газете читал, вы ее в детдом передали?

— Передала, — согласилась начальница соцзащиты.

— И как?

— Рады все. Нравится детям очень.

— Ну и хорошо, — сказал глава. Вдруг его лицо слегка омрачилось. — Только вот, Елена Антоновна, птица эта какая-то немецко-фашистская получается. Скандала не будет?

— Да откуда там кто узнает?

— Из Интернета. Вот же картинка.

— Нет там никакого Интернета.

— А-а-а, — успокоился глава. — Тогда ладно. Только вот... — Лицо его опять омрачилось. — А почему это у нас в детском доме Интернета нет? Елена Антоновна, это ж ваше упущение.

Ну что за проблема в наше время Интернет-то провести? Исправьте. Немедленно исправьте.

— Исправлю, — покорно согласилась Елена Антоновна, мечтая, чтобы этот опасный разговор про птицу поскорей закончился.

— Ну вот и хорошо, — сказал глава. — Идите работайте.

И она пошла работать.

Интернет в детский дом был проведен.

Инвентаризационная проверка никаких недостатков имущества в управлении благоустройства не обнаружила, хотя птице удивились.

В городе Ю. сразу после майских праздников поменяли ответственного за военно-патриотическое воспитание молодежи. Не знаю, как у них с военным патриотизмом, но с антуражем стало все в порядке. Правда, теперь к военно-спортивному лагерю приклеилось, наверное навсегда, название «Гитлерюгенд».

А градоначальник города Н. так и не узнал, что причиной клизмы из патефонных иголок, прилюдно вставленной ему губернатором, послужила никакая не сосуля, а его собственная подарочная птица.

Если вам, читатель, эта история показалась выдумкой, плодом моей разошедшейся фантазии, значит, вы никогда не работали в российских муниципальных структурах. А тот, кто там работал, без труда вспомнит с десятков историй и позабористей, чем только что вами прочитанная.